

М. Л. Размолодин

Типологизация черносотенного движения в России в начале XX в.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с типологизацией черносотенного движения в России в начале XX в. На основе разработанных теоретиками консерватизма С. Хатингтоном и К. Мангеймом «ситуативного» и «идейного» подходов доказывается принадлежность крайне правых организаций к консервативному спектру. Использование предложенных критериев дает основание для пересмотра укоренившихся в исторической науке взглядов на некоторые правые организации как черносотенные.

Ключевые слова: черная сотня, крайне правая идеология, Русская православная монархия, самодержавие, консерватизм, традиционализм.

M. L. Razmolodin

Typologization of the Black-Hundred Movement in Russia in the beginning of XX century

In the article are regarded the questions concerning typologization of the Black-Hundred Movement in Russia in the beginning of the XX-th century. On the basis of conservatism developed by theorists S. Hatington and C. Manheim of "situational" and "ideological" approaches is proved affiliation of the extremely right organizations to the conservative spectrum. The use of the offered criteria gives the grounds to review the sights which have taken roots in a historical science on some right organizations as the Black-Hundred Movement is.

Keywords: the Black Hundred, extremely right ideology, the Russian orthodox monarchy, autocracy, conservatism, traditionalism.

В исторической науке общепризнано, что отправной точкой массового проявления черной сотни на политической арене является Манифест 17 октября 1905 г. [1, с. 16]. Масштабное оформление крайне правых сил во всероссийские политические партии вполне вписывается в «ситуативную» типологию определения консерватизма, разработанную видным исследователем данного направления общественной мысли С. Хатингтоном в эссе «Консерватизм как идеология» [2]. Отечественный исследователь консерватизма П. Ю. Рахшмир указывал, что «Хатингтон предложил “ситуационную” интерпретацию консерватизма, отвязанную от какого-то раз и навсегда данного социального базиса и жесткого набора идей. Эту трактовку можно еще назвать функциональной. Миссия консерватизма – защита бытия, традиций, обычаев от засилья рациональности и порядка от угрозы хаоса» [3].

Применение разработанного американским исследователем С. Хатингтоном «ситуативного» подхода и исследовательской парадигмы А. Тойнби [4], основанной на диалектике «вызова-ответа», позволяет решить проблему относительности к консервативному спектру крайне правых организаций, выполнявших охранительную функцию по противодействию опасности свер-

жения существующего строя и сохранению политического статус-кво.

В частности, выявлено, что появление черносотенных организаций происходит как реакция на Первую российскую революцию и Манифест 17 октября 1905 г., несших угрозу идеократической системе самодержавного властистроения, первенствующему статусу РПЦ и самобытному пути развития страны. Свой внезапный выход на политическую сцену черносотенцы связывали с необходимостью отстоять базовые ценности российской цивилизации (православие, самодержавие, народность) и не допустить перехода страны на рельсы западной конституционно-парламентской монархии.

В пользу идентификации черносотенного движения как консервативного позволяют говорить следующие выявленные характеристики: *наличие объекта противодействия – революции*, которой черносотенцы инкриминировали антирелигиозный (антиправославный), антигосударственный (антисамодержавный), инородческий (антирусский) характер, социально-правовой нигилизм, подрыв экономики страны и разорение народа; *реакционность* (проявившаяся в заметном отставании появления черной сотни на политической арене от либеральных и революци-

онных партий); *временность существования* (появление черной сотни связано с целью погасить революционный импульс, вернуть страну на путь эволюционного развития и сойти с политической арены); *вынужденность нахождения на политической арене* (в связи с неспособностью правящей элиты и репрессивного аппарата самодержавия собственными силами защитить национальные устои и целостность страны); *синхронность активности* (находившейся в прямой зависимости от масштабов деятельности революционного лагеря); *наличие объекта охранения* (крайне правое движение, способное мобилизовать массы на выступления, существовало только в условиях самодержавия, с крахом которого оно сходит с политической арены). Свое присутствие на политической арене в послереволюционное время черносотенцы обосновывали необходимостью содействия правительству и самодержцу в деле предупреждения новой революции, водворении законности и порядка.

Ситуативный подход, типологизировавший черную сотню как консервативное движение, страдает серьезным недостатком, который состоит в крайнем релятивизме, позволяющем определять как консервативную любую систему взглядов, отстаивающую существующий режим. Изъян ситуативного подхода проявляется в отказе консерватизму в устойчивом идейном ядре и наделении его лишь охранительно-сдерживающей функцией по отношению к революционно-деструктивным изменениям, сторонниками которых могут выступать представители различных политических идеологий – от приверженцев монархической идеи до либералов и большевиков.

Преодолеть недостаток релятивизма ситуативного подхода при анализе консерватизма позволяет разработанный немецким социологом К. Манхеймом идейный подход, в основе которого лежит представление о консерватизме как идейно-политическом течении Нового времени, имеющем устойчивое идейное ядро, состоящем в защите христианской и национальной традиции [5].

Предложенная К. Манхеймом типологизация была поддержана отечественным исследователем В. А. Гусевым, который адаптировал универсальные принципы и ценности консерватизма к русской специфике (цивилизационному фактору), предложив следующий критерий: «На статус русского консерватизма может претендовать только такая идеология, которая... видит в православии и непосредственно вытекающих из него нормах человеческих взаимоотношений – от бытовых и экономических до политических и духовных – абсолютную ценность...» [6].

Основой отнесения черносотенной идеологии к разряду консервативной стала идентичность теоретико-познавательной модели черносотенной идеологии с русским консерватизмом. Их тождественность обусловлена общностью духовного ядра – защиты православия и национальной традиции. Несмотря на обилие программных установок монархических партий, идейное ядро черной сотни было написано на ее знаменах – «Православие. Самодержавие. Народность» (далее ПСН). Триединство выступает здесь как квинтэссенция консервативно-политической философии, включавшей в себя и религиозную, и национальную константы. В черносотенной идеологии триединство ПСН приобрело национальное содержание, проявившись в духовном, культурном и политическом измерениях, и отражало абсолютные принципы национально-государственного бытия, составившие исторический облик России. По существу, русский консерватизм «национализировал» элементы уваровского триединства, ставшие национальной идеей русского народа. «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском», – заявляло в мае 1907 г. «Русское знамя» [7]. Черносотенцы утверждали, что именно русский народ подарил человечеству самодержавие – самобытную национальную и духовную форму единоличной власти, отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма.

В условиях революции черносотенцам не пришлось лихорадочно выискивать идейно-мировоззренческие основы решения «русского вопроса». Вся теоретическая база была подготовлена задолго до ее появления такими идеологами отечественного консерватизма, как С. С. Уваров, М. Н. Катков и др. Именно благодаря черносотенным союзам пришедшая из 30-х гг. XIX в. триада получила широкое распространение в начале XX в. Поместив ее элементы на своих хоругвях и тем самым провозгласив себя приверженцами русской консервативно-государственной традиции, крайне правые четко позиционировали себя среди множества партий и движений, которых в России начала XX в. насчитывалось более ста.

Сформулированная графом С. С. Уваровым теория официальной народности несла в себе не только православно-религиозное кредо (и, соответственно, его защиту), но и включала в себя базисные национальные признаки государственно-исторического бытия России, определившие ее специфическую роль в мире и историческое предназначение.

Став мировоззренческим кредо черносотенных организаций, теория официальной народности выполняла двоякую функцию, вобрав в себя и христианские и национальные исторические «русские начала». Элементы триединства ПСН определялись как «главные духовные ценности и принципы», основа «русского государственного строения и народного быта», «незыблемые основы отечественной самобытной государственности» и провозглашались всеми правыми партиями на всем протяжении их существования. Значимость триединства определялась фактом существования невиданного в истории человечества по размерам и национальному составу государства. «Русское государство держалось верой православной, царем самодержавным и русскими людьми – это были скрепы огромной империи», – писала черносотенная пресса [8]. Формула ПСН, реально воплощенная на практике, рассматривалась как фундамент могущества и непобедимости государства. «А крепость его в том, чтобы власть твоя, великий государь, исконная самодержавная, врученная русским народом предку твоему, Михаилу Федоровичу, стояла незыблемою и нерушимою, земля наша Русская – единою и неделимою, вера наша православная в России – первенствующею», – заявлял А. И. Дубровин на приеме депутации СРН царем 23 декабря 1905 г. [9].

Нерасторжимость православной веры и самодержавной идеи с народностью, по убеждению идеологов черной сотни, предопределяла их национальный характер. Наличие внутренней связи элементов триединства обуславливалось их принципиальной невозможностью существования в отрыве друг от друга. Черносотенцы не рассматривали каждый элемент триады как отдельную составляющую, утверждая, что без привязки к другим они теряют свою силу. Каждый символ воспринимался как грань нерасторжимого целого, имя которому – Россия. Без православия и народности нет истинного самодержавия, равно и наоборот. Все элементы конструкции фокусировались в личности монарха, который являлся «персонификацией духа нации», носителем и олицетворением ее культурного и политического идеалов. Таким образом, наряду с православием (религиозный элемент), русская народность (национальный элемент) занимала равнозначное место, так как и самодержавие и православие вытекали из свойств и характера самого русского народа. Закономерно, что постановления III частного совещания представителей отделов СРН, состоявшегося в марте 1909 г. в Ярославле, четко и недвусмысленно заявляли, что

самодержавная государственность зиждилась на «святости православной веры», «твердости государя» и «разуме русского народа» [10].

Став символом веры православного государственного мышления, теория официальной народности была безоговорочно мобилизована черносотенными организациями, так как, во-первых, имела христианскую основу, во-вторых, декларировала национальный самобытный путь развития России, отвергая западные универсальные стандарты путей развития общества. «Что такое Союз русского народа и иные родственные ему союзы? Союз русского народа есть собрание людей всех сословий и состояний, братски объединенных между собою одною мыслью, одним стремлением охранять и отстаивать начала исконного исторического бытия России», – утверждалось в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных Всероссийским съездом русских людей в мае 1912 г. [11]. Триединство составляло фундамент черносотенной идеологии, на котором строились остальные положения их доктрины. Именно это триединство и стало лозунгом, мировоззренческим кредо черносотенных организаций, дав серьезный импульс для дальнейших идеологических разработок. «...Эмблема монархических организаций Бог, Царь, Отечество... – сама правда жизни, это – единственный путь для свободы и прогресса, для защиты бедных, угнетенных, униженных и оскорбленных», – писало «Русское знамя» [12].

Благодаря признанию теории официальной народности черная сотня вполне подпадала под характеристики не только русского консервативного движения, но и европейского. По вынесенному на знамена лозунгу «Православие. Самодержавие. Народность» безошибочно определялась принадлежность партии к крайне правому политическому спектру: в России начала XX в. им пользовались только черносотенцы и близкие им по воззрениям организации. Отношение к триединству, ясно выраженное в уставах и программах других политических партий, становилось критерием определения их враждебности или дружественности. В постановлении состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда указывалось: «...все правые партии, каких бы наименований они ни были, лишь бы признавали незыблемыми начала – православие, неограниченное самодержавие и народность, – никогда не входят ни в какие соглашения и объединенные действия, особенно же во время выборов в Государственную думу и Совет, ни с октябристами, ни с кадетами и всеми еще более враж-

дебными Русскому государству и русской народности политическими партиями» [13].

Важнейшей характеристикой идентичности черносотенной идеологии как консервативной является приверженность универсальной христианской религиозной традиции. Православное миропонимание являлось отличительной чертой черносотенной доктрины. Несмотря на декларируемое равенство элементов триединства, приоритетное положение в формуле занимал религиозный принцип (первый среди равных). Исключительное положение православия определялось его ролью в формировании двух других элементов – самодержавия и народности. В Своде основных понятий и положений русских монархистов православная вера определялась как «краеугольный камень» триединства и «основание начал русской жизни» [14, с. 739].

Русская цивилизация выросла под сенью православной веры, ставшей духовным оплотом русского народа. Черносотенцы полностью разделяли мнение С. С. Уварова, поставившего на первое место православие, видя в нем душу России, источник ее неповторимого национального облика и самобытной государственности. Силу Отечества С. С. Уваров обнаруживал в том, что, в то время как в Европе происходило «падение религиозных учреждений», «Россия, к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности находится и весь залог будущего ее жребия» [15, с. 70].

Реализация формулы в практическом плане означала усиление роли Русской Православной церкви в общественно-политической жизни страны.

На фоне усиления секуляристских тенденций в общественном сознании черносотенцы открыто провозглашали себя приверженцами универсальных христианских ценностей и православного взгляда на мир как борьбу двух непримиримых начал. Здесь приверженность Православной церкви не являлась рецепцией бессознательного рефлекса, а была вполне осознанным выбором. «Мы, православные, знаем, что в жизни человека существуют два пути: правый и левый. Нам дана свобода воли, мы можем делать так, как нам хочется: идти направо – к Богу или налево – к дьяволу, но вера наша предупреждает нас и говорит направо – к спасению, налево – к гибели, выбирай сам», – писало «Русское знамя» в январе 1916 г. [16].

Черносотенцы были единственным в стране политическим движением, которое четко определило религиозный подход к оценке общественно-политических событий, не допуская ревизионизма православных канонов. Борьба со злом рассматривалась как одна из форм подвижнической деятельности. Правые в решении вопросов жизни должны были руководствоваться только учением Христа и указаниями церкви. «Другого руководства мы, правые, не должны принимать», – разъясняла черносотенная пресса [17]. Это стало поводом для ее критики со стороны либералов и революционеров за религиозный фундаментализм.

Таким образом, с момента своего возникновения черная сотня проявила себя как консервативное движение с точки зрения сформулированных теоретиками консерватизма С. Хатингтоном и К. Манхеймом ситуативного и идейного подходов, так как объектом ее охранения являлись базовые ценности российской цивилизации от западных секулярных моделей реформирования страны. Условием ее появления и существования являлось наличие угроз отстаиваемым принципам и снижение активности при затухании опасности.

Примечания

1. Правые партии. 1905–1917: Документы и материалы ; в 2-х т. – М. , 1998. – Т. 1.
2. См. : Huntington S. P. Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. – 1957. – Vol. LI.
3. Рахшмир П. Ю. Аналитик широкого профиля // Новый компаньон. – № 45 (151). – 26.12.2000.
4. См. : Тойнби А. Постижение Истории. – М. : Прогресс, 1990.
5. См. : Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М. 1994.
6. Гусев В. А. Русский консерватизм // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт // www.conservatism.ssu.Ru
7. Русское знамя. – 1907, 13 мая.
8. Там же. 1911, 26 мая.
9. Там же. 1906, 9 января.
10. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 653.
11. Вестник Союза русского народа. – СПб. , 1912. № 104.
12. Русское знамя. – 1908, 20 января.
13. Вече. 1909, 18 октября.
14. Прямой путь. СПб. , 1912. Вып. V (май).
15. Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река времен. Кн. I. М. , 1995.
16. Русское знамя. 1916, 9 января.
17. Там же.